

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ЛАРИСА
РУБАЛЬСКАЯ

Полное собрание
сочинений
В ОДНОМ ТОМЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р82

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Рубальская, Лариса Алексеевна.
Р82 Полное собрание сочинений в одном томе / Лариса Рубальская. — Москва : Эксмо, 2025. — 720 с.

ISBN 978-5-04-187159-8

Лариса Рубальская, о чем бы ни говорила на концертах, в телевизионных программах, ни писала в стихах и прозе, — всегда ведет задушевный, доверительный разговор с читателями, слушателями. Этим, наверное, и объясняются неизменная любовь и постоянство ее читательской и зрительской аудитории. В это, одно из наиболее полных собраний произведений автора, вошли песни, стихи и рассказы Л. Рубальской, уже полюбившиеся публике и совсем новые.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-187159-8

© Рубальская Л., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

И это все мое

ВСЕ СНАЧАЛА

Она подошла ко мне на автобусной остановке, посмотрела внимательно, потом вдруг протянула руку, дернула меня за волосы и печально так сказала: ну вот и проспорила.

Хотя я про себя ничего такого особенного не воображала, но все же глупо было бы не отреагировать: девушка, почему вы так странно себя повели — подошли к незнакомому человеку, за волосы дернули? Как это понимать?

А она: — Ой, Ларис, я что-то не подумала, вы так часто по телику, ну совсем своя. А у нас девчонки на работе поспорили — кто говорит, что у вас парик, потому что свои волосы так не лежат, а кто — что просто вы укладку каждый день делаете. Ну я из тех, кто про парик думает. Выходит, мы торт проиграли... Меня Света зовут.

Напишите вот тут что-нибудь, а то девчонки не поверят, что я вас так, на остановке встретила. Мы думаем, что такие, как вы, только на машинах крутых ездят. Надо же, мне как повезло!

Пока Света тараторила, я ее разглядывала. У меня вообще привычка такая — разглядывать, расспрашивать. Причем, задавая вопрос, я уже примерно знаю ответ. И почти никогда не ошибаюсь. Наверно, из-за большого жизненного опыта. Сразу вижу — одиноки ли, сколько лет (как бы ни была накрашена), откуда приехала — по речи слышу. Одним словом, могу цыганкой наряжаться и промышленять гаданием. Свете

было лет двадцать восемь, но выглядела она помоложе. Я разглядела в ней неудачное недолгое первое замужество, после которого последовал роман с женатым мужчиной, недавно закончившийся и до конца еще не отболевший. Еще угадывалось, что не все потеряно, и скоро появится новая любовь, в которую Света пока еще не верит.

Мне захотелось проверить свои догадки, и я, сама не знаю почему, позвала ее выпить по чашечке кофе в кофейне неподалеку. Света смутилась, но минут через двадцать мы уже сидели друг против друга и болтали, как старые подружки.

Переворачивать кофейную чашечку, чтоб погадать на гуще, Свете не пришлось, потому что я так точно описала ее прошлое, что в предсказания на будущее она тут же поверила.

На мой концерт Света привела всех своих девчонок, которые тогда на торт поспорили. И они все смеялись, когда после концерта пришли ко мне в гримерку, а я ждала их, напялив специально принесенный парик. Торт уже был нарезан, чай разлит по чашкам. Выходило, что никто не поспорил — и свои волосы лежат хорошо, и парик к лицу.

Они все его по очереди померили и взяли потом на память — мои новые подружки, пять аварийных девчонок, уже переживших, уже настрадавшихся, ожидающих и надеющихся. На прощанье я им сказала — главное, дожждаться мая. А потом само покатит.

Света иногда звонит мне, и я знаю, что УЗИ показало, что у нее будет мальчик, что токсокоз очень измучил, и Игорь за нее и будущего сына очень волнуется. Конечно хорошо, что сынок, а если б девочка была, она бы назвала ее Лариской. Правда, имя сейчас не модное, но ведь это все я ей напроорочила, и все сбылось.

Таких историй я могла бы рассказать очень много, и все они были бы со счастливым концом, потому что я хочу вам напроорочить радость.

А плохое, и даже очень страшное, бывает в каждой жизни. И никуда от этого не денешься. Но мне-то зачем об этом писать?!

Предупреждаю всех сразу — не будет ни в рассказах моих, ни в стихах ни смертей, ни убийств, ни наркоманов, ни алкоголиков. И воров тоже не будет, и детей никто в доме ребенка не оставит, и друга не предаст.

Правда, разведенки попадаться будут, мужики-паразиты, соседки вредные. Вот и все. Ничего интересного. Но я хочу, чтоб именно так и было. А я просто так ничего не говорю. Про Свету помните? Вот так.

ДЕВОЧКИ-ПРИПЕВОЧКИ

Городок Петраково на карте ищи-свищи. То есть нет такого городка. А вообще-то он есть. Вернее, не городок, а поселок городского типа. Это значит, что среди деревянных развалюшек есть два железобетонных дома, как в городе. Да еще школа двухэтажная кирпичная со спортивным залом на первом этаже. И там иногда проводят школьные вечера, и магнитофон крутят, и встают все ребята как бы в две очереди — одна за Внуковой, другая — за Клыковой.

Валька да Оля — две красавицы школьные, талии тоненькие, грудь торчком, обе — синеглазки. Правда, у Внуковой Оля волосы волнистые, а у Клыковой Вальки — прямые. И за Олей очередь чуть-чуть подлинней. А еще поют обе, как настоящие артистки. У Оли голос высокий и протяжный, а у Вальки — низкий и глубокий. Они обычно песни пополам делили — заступала Оля, допевала Валька. А припев пели вместе, и это было самое красивое в песне место.

Они сами себя прозвали «девочки-припевочки», а пацаны, когда красавиц поделить не могли, грубовато про них говорили: девки-припевки.

Иногда даже дрались влегкую, кому с кем танцевать. А Внукова с Клыковой смеялись и радовались, что мальчишки так из-за них разоряются.

Девочки дружили с детского сада, как сестрички-близняшки неразлучные. И мальчишек поделили поровну. Ну почти поровну.

А когда на выпускном вечере аттестаты получили — оказалось, что и отметки у них одинаковые. Правда, у Ольки на одну пятерку больше.

Когда школьные годы отлетели в прошлое, решили вдвоем в Москву поехать — учиться. Обе хотели портнихами стать — листать модные журналы они очень любили. Перед самым отъездом у Клыковой Вальки мать с сердечным приступом слегла, и Валюшке пришлось в Петракове задержаться — младшие сестренки еще маленькие, их кормить надо, а маме врачи велели хоть недельку с постели не вставать.

Ну, подумаешь, неделя — Олька первая в Москву поедет, на разведку, а Валька через недельку ее догонит.

* * *

Олька Внукова прямо с вокзала позвонила знакомой, тоже петраковской, Тамаре Звягинцевой. Тамара землячкиному звонку обрадовалась, к себе позвала. Все-таки хорошее слово «братство». Хоть Олька с Тамарой женского пола, но ведь слова «сестричество» нет, а есть «братство». А это значит — друг другу помогать и в беде не оставлять.

Хоть Звягинцева из Петракова давно уехала, в Москве замуж вышла, работала в одной богатой семье домработницей и деньги приличные там зарабатывала, все ж своих, петраковских, не забывала. И, увидев Ольку, обещала тоже помочь устроиться.

На другой день Звягинцева своей хозяйке Миле рассказала про Ольку, и Мила, тоже обожавшая моду, сказала, что позвонит знакомому кутюрье и спросит, где на портних хороших учат.

Кутюрье этот, Эдик Монахов, как раз класс набирал, и Ольку Внукову тоже набрал, и стала она его ученицей, комнату недорогую сняла и начала портняжную науку постигать.

Эрик на девушек особенно внимания не обращал, только на манекенщиц своих поглядывал во время примерок да модных показов, но это так, в связи с профессией. А в жизни женский пол ничего для него не значил. И поэтому то, что он к Ольке все время подходил и что-то объяснял, поправлял чаще, чем других, никакой возникшей симпатией мужчины к хорошенькой девушке не объяснялось. В его внимании была совсем другая причина — разглядел он в Олькиных выкройках и стежках какой-то необычный талант. И довольно скоро Олька стала для Эрика человеком незаменимым.

А в салоне всегда было весело, красиво, пахло кофе, который постоянно кто-нибудь пил. И разговоры важные — Монахов человек популярный, и московские модные дамы с удовольствием проводили у Эрика время, листая журналы, теребя ткани, болтая о том, о сем.

Для примерок самым важным и капризным заказчицам Эрик всегда вызывал Ольку. Внукова была немногословна, нелюбопытна, и заказчицы всегда были примеркой довольны. И у Ольки было всегда на душе хорошо, хотелось постоянно что-нибудь напевать, но мешали булавки, которые она не вкалывала в специальную манжетку, а по старой петраковской привычке сжимала в зубах.

* * *

Вместо недельки клыковская мать пролежала около четырех месяцев, потому что приступ оказался инфарктом, и на Валюху свалилось сразу очень много забот — и младшие, и огород, и к мамке в больницу бегать.

Валентина скучала по своей подруге и считала дни, когда в Москву Ольку догонять поедет.

Как-то войдя к маме в палату, Валя столкнулась глазами с молоденьким то ли доктором, то ли студентом-практикантом. От столкновения получилась искра, которая одновременно прожгла насквозь и Клыкову, и этого медика.

Медик действительно оказался молодым врачом Митей, приехавшим в петраковскую больницу на преддипломную практику.

Митя, когда ставил Валиной маме капельницу, никак не мог в вену иглой попасть, и только с шестого раза цель была достигнута. Мама сжала зубы и терпела, а когда лекарство по венам побежало, вообще Мите заулыбалась, а про себя подумала — хороший парень, старательный. Вот бы моей Вальке такого мужа.

И только она это подумала, как Валька в палату влетела, ну а дальше уже известно, что получилось.

Искра быстро разгорелась в костер, и костер этот спалил дотла Валюшину мечту о Москве, а наоборот, ей стал Петраков казаться самым счастливым местом на земном шаре.

Митя, — чем в перекошенной избе у местной старухи угол снимать, — переехал в дом к Клыковым. К концу лета оказалось, что у Клыковых скоро появится еще один обитатель — мальчишка или девчонка. Правда, сам Митя к осени должен был в Москву, в свой институт возвращаться. Он мечтил после диплома в аспирантуру и усложнять жизнь женитьбой, да еще мальчишкой или девчонкой, в его планы не входило.

Валькина мама от болезни своей оправилась, в прежнюю силу вошла. На дочку она не сердилась и ни в чем ее не упрекала, потому что Валя, выходило, в точности повторяла ее судьбу. Ведь дочка так красиво пела не просто так, а потому, что однажды, семнадцать лет назад, в Петракове один эстрадный коллектив концерт в школьном зале давал. Приехали артисты всего на полтора дня, но солист выпил после концерта, а потом Валина мама его два дня рассолом отпаивала. Он оклемался и рванул гастрологи продолжать. Так и не узнал, что в Петракове девочка-припевочка, дочка его, в невесту превратилась. Потом мама, хоть с маленькой Валюшкой, но жизнь свою устроила, замуж вышла и еще двоих родила. Правда, когда младший только ходить начал, муж куда-то на заработки подался и уже несколько лет вестей не

подавал. Кто-то из петраковских где-то его видел, говорят, выглядит хорошо и одет богато.

Так что, Валюшка когда родит, будет в семье уже не двое, а трое малышей. Ничего страшного.

* * *

— Валь, ты что, с ума сошла, Анжеликой девку назвать хочешь? Наши, петраковские, засмеют. Вот что, дочь ты у меня Валька, а внучка будет Галька. Подрастет, петь с тобой будет, представляешь — у нас самодеятельность будет, и на концерте скажут: а сейчас Валя и Галя Клыковы выступают. Красиво, как по телевизору. Ольку-то ты свою, небось, уже не догонишь, вот и будешь с Галькой песню делить, а припев вместе выводить будете. И опять все на вас говорить будут — девочки-припевочки. О том, что Валя все мечтает о Москве, мать ее даже и не думала — дите ведь родилось, поднимать надо.

* * *

Колечки дыма летели под потолок, утро только начинало свое пробуждение, заказчиков еще не было, Эрик должен был из Парижа вернуться только к воскресенью — можно было покурить, ведя ленивый разговор с другими девчонками. Ольга любила эти утренние часы. Она была уже давно здесь главной, обшивала саму Милу Майскую — ту самую, которая ее сюда привела.

Мила была богатой и доброй, что бывает не так уж часто. Она никогда не приходила с пустыми руками — то пирожных каких-нибудь притащит, то винишка некрепкого, вкусного, то подарочек Ольке — косметичку или платочек.

Можно сказать, что они уже стали близкими подругами, Мила часто заезжала без дела, просто так, с Ольгой покурить. В последнее время Ольга сама придумывала ей наряды, сочетая несочетаемое. Выходило потрясающе красиво, а Эрик Монахов получался как бы в стороне.

Как-то однажды Мила приболела и позвонила Ольге, чтоб приехала навестить. До этого Олька никогда в таких домах не бывала. И хоть Звягинцева Тамара этот дом не раз расписывала, на самом деле он оказался еще более грандиозным, красивым, богатым.

Мила лежала, прикрытая пледом, покашливая и починая, Ольге обрадовалась, Тамара кофейку принесла. Но приесть и попить кофе вместе с ними Мила ее не пригласила, и Оля поняла, что в доме этого делать не полагалось. И сама Олька чувствовала себя как-то не так, и разговор был не таким, как обычно там, в салоне.

В первый раз Мила завела разговор о личной жизни — Оль, ты такая красивая, а никогда тебе при мне никто не звонит. Неужели ты одна?

— Да, была одна до вчерашнего дня — вся в работе, бегом-бегом. А ты как в воду смотришь. Как раз вчера бежала, поскользнулась и упала. Наверно, было бы очень больно, если бы меня не поднял Олег. Представляешь, как жонглер какой, раз — и в тот миг, когда я должна была долбануться головой об асфальт, он откуда-то взялся и подхватил меня, я его как увидела, про боль забыла. Ну, и как в кино, — поднял, проводил до дома, долго стояли у парадного, болтали, расставаться не хотелось, ну и не стали. Представляешь, как его красиво зовут — Волоховский Олег. В. О. И я В. О. — Внукова Ольга. Похоже, судьба. Вот сейчас у тебя еще полчаса посижу и помчусь. Вечером с ним куда-нибудь ужинать пойдем. Да, чуть не забыла главное — он, правда оказался, жонглер. Из цирковой семьи — жонглеры Волоховские. Ой, Мил, боюсь сглазить, но что-то будет, что называется красивым словом «любовь». Ты, Мил, первая, кому я это сказала.

Мила радовалась за Ольку, обещала не сглазить, подтвердив это троекратными плевками через плечо. Потом пошла в гардеробную, принесла Ольге сумочку самой, какой ни на есть, высокой моды — на, пусть твой жонглер видит, какую девушку встретил. Если он, конечно, в высокой моде понимает.

Ольга потом, когда свои вещички дома в новую сумочку перекладывала, увидела внутри чек — сумочка стоила 840 долларов. Ничего себе! Да, Милка, хорошо иметь мужа-нефтяника.

* * *

Роман развивался так стремительно и так жарко, что Олька забыла обо всем на свете и даже чуть не уколола на примерке булавкой капризную и вздорную клиентку.

Иногда звонила подружка, петраковская девочка-припевочка, Валька Клыкова, рассказывала, что Галка, доченька ее, уже всю болтает и даже песенки петь научилась. Еще Валентина говорила, что соскучилась очень по Ольке, и на работе, в петраковской больнице, ей, санитарке, платят мало, а алиментов на Галку она не получает, но голодными они с мамой и малышами не сидят, крутятся как-то.

Об Олеге Ольга Валентине не рассказывала, сама не знает, почему. Разговор всегда заканчивался на том, что вот поднимет Валька Гальку и приедет в Москву, и если портнихой не получится, то хоть кем.

* * *

Олег еле втащил чемодан в дверь их небольшой квартиры. Гастроли в Японии оказались длиннее, чем он думал, и вместо одного, Олега не было дома два с половиной месяца. Имя сынишке придумывали по телефону, чтоб с отчеством Олегович красиво выходило. Ольгу из роддома забирали Мила и Тамара Звягинцева. Эрик потом домой заезжал, над малышом ахал — ой, какой хорошенький, а пиписька какая розовенькая! Арсений Олегович как будто понял, пиписькой шевельнул и Эрика описал, что означало: придется Монахову у Арсения на свадьбе гулять.

Олежка, не раздеваясь, подбежал к кровати малыша, взял сына на руки и затанцевал по комнате — мой, мой сын, Арсений, Арсений Олегович Волоховский.

Ольга счастливо смеялась, вскрикивала, когда движения мужа казались ей неосторожными — ой, Олежка, смотри не урони, слышишь, не жонглируй ребенком.

Из чемодана посыпались одежды, игрушки, разная японская красота. Для Ольги только ничего не высыпалось — все только Арсению.

* * *

Когда Олег сломал руку, Ольга поняла, что надо срочно возвращаться на работу. Никакого капитала у них сколочено не было, тем более что квартиру купили, слава богу, долги вернули всем, так что надо Олежку и Арсения кормить.

Мать Олега согласилась приходить к детям каждый день — ухаживать за Олегом и внуком.

Эрик Монахов и все девчонки были рады возвращению Ольги, рассказывали новости и сплетни о клиентках. В первый раз Ольга подумала, что они как-то разошлись с Милой. Никаких причин для ссоры, да и самой ссоры не было. Но почему-то после рождения Арсения они всего раза два поговорили по телефону и как будто забыли друг о друге.

Ольге некогда было анализировать эту ситуацию, дел было много, радость в лице нового человечка заливала ее душу, и печальным размышлениям в ней не было места.

Причина-то на самом деле лежала с краю — у Милы не было детей. И каждый раз, узнав о беременности кого-то из подруг, Мила испытывала чувство горя. Говорят, человек привыкает ко всему! А Мила привыкнуть к своей бездетности не смогла. Она перепробовала все возможные и невозможные методы, перележала в лучших больницах, и все безрезультатно. Вот как бывает: все у человека есть — красота, деньги, добрая душа, а детей нет. И больно о детях говорить, и больно на них смотреть, а когда узнает о чьей-то беременности — боль, ожог, слезы. И на время уход в себя. Пока душа не успокоится и не смирится с чьим-то счастьем.

Но когда Мила пришла в салон и увидела Ольгу, она бросилась к ней, как к самому родному человеку. Ольга была счастлива возвращению в прежнюю жизнь и показывала всем фотографию голопузого Арсения.

* * *

Олег болел долго, рука не срасталась, ее ломали и снова клали в гипс. Он скучал, слонялся по квартире без дела, читать не хотелось, даже к Арсению появилось какое-то равнодушие. По ночам ему снился цирк, и рука во сне была не сломана и ловко подбрасывала и ловила разные предметы.

С какого момента у них с Ольгой разладилась жизнь, ни он, ни она не заметили. Просто Оля допоздна сидела в своем салоне — рисовала, придумывала, примеряла и домой совсем не торопилась.

Олег со свекровью объявили Ольге, что надо подыскать детский сад, и однажды Оля, придя домой, Олега не застала, а свекровь как-то боком подошла, поцеловала малыша, положила ключи на стол — Олька, живи без нас — и ушла. Наутро Оля на работу пойти не смогла. Первая спасительная мысль — Мила. Мила, куда мне Арсения девать? И закрутилось колесо — звонки, перезвоны, анализы и престижный детский сад недалеко за городом, санаторного типа, только по выходным сыночек дома, а няньки приходят свататься все какие-то неподходящие.

* * *

— Валька, бери Гальку, приезжай. Будем опять вдвоем, растить ребят, что-нибудь с деньгами придумаем. Я зарабатываю прилично, на еду нам хватит. Буду вкалывать, а ты с ребятами дома сидеть. Я тебе зарплату даже платить буду, как в Москве няням платят. И мы петь с тобой по вечерам будем, и создадим группу новую — «Девочки-припевочки», продюсера классного найдем, в шоу-бизнес двинемся, приезжай, Валь!

Валюшка письмо Ольгино прочитала, прикинула все за и против, упаковала свои и Галькины вещички и, наконец, в Москву!

— Ой, ты такая же, Валька, только еще лучше стала. Поправилась, а тебе идет. Неужели с тех пор одна? Да не верю, наверно, все петраковские ребята об тебя глазки поломали. Вот я тут тебе одежду пошила, наряжайся.

— Олька, Олька, как давно мы не виделись, я по тебе скучала. Как хорошо, что все так вышло. Дети у нас, а мы красавицы-одиночки. Все сначала, да, Оль? Ты первый куплет, я второй, а припев — вместе.

До утра плакали, смеялись, курили, коньячку друг дружке подливали... И покатались недели...

* * *

Вальке иногда казалось, что это она Арсения родила — так полюбила мальчишку. Жалко, конечно, что Галька заскучала по бабушке и запросилась обратно, в Петраково. Но, с другой стороны, спокойно — Галька с бабушкой и Валькиными сестричками, сыта и ухожена. А она здесь, у Ольги — уберется, постирает, приготовит, с Арсением погуляет, телик посмотрит — и день пролетел.

Ольга-то очень занятой человек. Мила, подруга ее крутая, для Ольги салон новый открыла, в здании со стеклянной крышей, и наверху красивый вензель они повесили — «В. О. студия». Так здорово получилось — во! — в смысле здорово, и в то же время — Внукова Ольга. Да, кстати, Оля Валюшке зарплату прибавила и разрешила дочке в Петраково звонить за ее счет. И еще разрешила Валюшке все свои одежды носить, когда она захочет. Единственное, что изменилось, это то, что Ольга Валюшку больше Валькой не называла, а себя велела тоже только Ольгой звать, а при посторонних — Ольгой Васильевной. А так все как было. Нет, не все — они петь вместе перестали — некогда.

* * *

— Ой, Валентина, устала я, надо куда-нибудь рвануть, в тепло, конечно, и вы с Арсением со мной. Как насчет Турции?

Пальмы занимали полтерритории отеля, море в двух шагах, рядом базар с недорогими вещами — рай, да и только. Вечерами — аниматоры для детей и танцы для взрослых. Каждый шаг отдыхающих снимал на пленку смуглый симпатичный турок Али. У бассейна, в ресторане, на пляже — шелк, шелк, шелк. Понравится — выкупайте свои фотки, не понравится — не берите.

А на танцах Али диджеем был, музыку крутил.

Арсений с Ольгой и Валентиной на танцы оставался, сбоку крутился, в такт музыке.

На третий день отдыха, когда уже кожа у всех троих позолотилась и пощипывала, малыш на танцах вдруг стал хныкать — пойдете в номер.

— Пойдем, пойдём, — Ольге уходить не хотелось, но повелитель ее сердца тянул за руку, и она, шепнув Валентине, что сейчас разденет его и вернется, сдалась сыночку и пошла с ним в номер.

Оказалось, что Арсений спать совсем не хочет, а, наоборот, хочет узнать, почему птицы, когда летают, крыльями машут, а самолеты — нет. Объяснение этого явления вызвало еще очень много попутных вопросов. Ольга выдумывала ответы, не всегда их зная на самом деле, море мерно шуршало за окном, и в какой-то момент они оба заснули. Ольге снился диджей Али с его горячим каштановым взглядом. Сон был таким сладким и стыдным, что Ольга огорчилась, когда ее разбудил звук открывшейся двери и свет из-за приподнявшейся от дуновения шторы.

Ой, только легла, а уже утро! Ольга повернулась и увидела, что Валентина уже одета — ой, когда ты успела встать, я и не заметила, когда ты пришла.

— Ольга, Оляка, я такая счастливая, — Валентина глупо закружилась посередине комнаты — я думала, что так бывает только у других. Ой, пропала ты, Валька Клыкова, в плен турецкий попала.

Еще минуты две понадобилось Ольге, чтоб понять, что не оделась Валька, а только что пришла. А раздевалась она не здесь, в номере, а там, на пляже, когда все разошлись спать. Все, кроме нее и Али. И сбылся у Вальки Олькин сладкий и стыдный сон.

* * *

Что за ерунда — еще вчера море было таким нежным и теплым, еда обалденной, пальмы райскими. А сегодня все изменилось — песок насыпается в босоножки и трет ноги, кормят черт-те чем, пальмы пыльные — хоть бы их из шланга помыли! Арсений все время ноет, а Валентина, домработница,